

Резонанс

Мы попробовали изложить эту историю в стиле М. Веллера. По сюжету она довольно похожа на «Легенды Невского проспекта», да и действие начинается в Ленинграде, куда В.М. Волькенштейн вернулся, покинув Карповский институт в середине 1930-ых годов.

Общепризнанную известность Лайнус Полинг получил в постсоветское время. Произошло это благодаря распространению телевидения и, главным образом, рекламы на нем. Даже те, кто смотрит ТВ не часто, могут вспомнить, когда по всем каналам только и мелькало «Полинг-Рат-аскорбинка-лизивит». Однако в начале 1950-ых для широких масс трудящихся и нетрудящихся реклама на ТВ не была основным источником знаний по причине отсутствия у них ТВ. Тогда то Полинга у нас звали Паулингом, а сам он и его теория резонанса были объявлены очень вредными. На опрометчиво напечатанных его книгах наставили тогда печати «только для научных библиотек» и перестали их выдавать читателям. Сами химики, может быть, и не сообразили бы, что он - махист, идеалист, лжеученый и пр., на это им указали философы-марксисты.

В США репутация у Полинга была тоже никудышная. Там он, наоборот, числился «красным», хотя в коммунисты и не записывался. Был посему «невыездным», но в 1954г. выпустить его все-таки пришлось в Стокгольм за Нобелевской премией по химии, куда уж тут денешься. А в начале 1960-ых он уже стал самым представительным борцом с испытанием ядерного оружия. Шло к тому, что ему присудят еще и Нобелевскую за Мир. По всему такой человек просто обязан был быть лучшим другом самой миролюбивой державы, т.е. СССР.

За рубежом интеллектуалы и сам Полинг отлично знали, как у нас поносили этих самых «паулингистов» и примыкающих к ним «ингольдистов». Но к тому времени всякие гонения притихли, и стояла хрущевская «оттепель» с химизацией. Настало, как бы, такое тихое, мирное сосуществование, хотя неравенство сохранялось. С одной стороны, никто естественно, добровольно и не собирался признаваться в своей ретивой глупости или в прямой корысти. Да и в чем, собственно, было кается? Ну, поговорили, поспорили так просто, никто из «паулингистов» ведь даже и не сел. В других науках куда хуже было.

Сама эта теория резонанса скорее метод. То же самое можно назвать или сделать немного по-другому. Другая сторона, т.е. пострадавшие из-за неё, особо и не собиралась искать сатисфакции. Не мешают работать, ну и слава тебе Господи. Паулинга уже стали называть на другой манер, а слово «резонанс» перестало употребляться в этом узкоместном, политическом и

космополитическом смысле. Молодым объяснять про все это считали лишним, хотя у иных умников по рукам наподобие самиздата ходила затертая книжка стенографического отчета того самого разносного ученого совета Академии наук. Заполучить Полинга в друзья в такой обстановке было не просто.

Нрав у Полинга к тому же был независимый и крутой, разные там политесы к нему не годились. Решили наладить отношения полуофициально, также по-тихому. Пригласить его в 1961г. не на Бутлеровский симпозиум в Ленинграде, а как бы в гости к профессору Волькенштейну, с которым он переписывался и считал его своим сторонником, пострадавшим к тому же за это самое у себя на родине. Волькенштейну же велено было устроить у себя вечер. Предупрежденный об этом Полинг, запаса даже подарками для профессорских детишек, которых, наверное, видел на фотографиях. Полинг, однако, обговорил, что, если уж не на симпозиуме, то в Москве ему разрешат сделать публичный доклад. Добираясь до Ленинграда, он увидел книгу Волькенштейна о теории молекул, изданную в ГДР на понятном ему немецком языке. Про него и его теорию тут было написано, типа того, что покающийся Волькенштейн раньше говорил на собраниях: "Теория резонанса ... безусловно несостоятельна ни в научном, ни в методологическом, ни в философском отношении ... она является идеалистической, махистской теорией, потому что понятиям, не имеющим никакого реального смысла, приписывается реальное существование ...".

Встречавшему Полинга в аэропорте Волькенштейну, конечно, было сказано, «ху» он есть. Полинг чуть ли не стал топтать игрушки в грязи и требовать, тут же лететь домой. Время было ноябрь-декабрь, так что он слегка охладился, и его все-таки отвезли в отель. Тем моментом вспомнили, что на Бутлеровском симпозиуме присутствует другой профессор - Темкин. Он в пропаганде «резонанщины» замешан не был, хотя знал ее отлично. Сам Темкин должен был пострадать за другую теорию, но сие миновало. Что такое он сказал Полингу, доподлинно не известно, но Нобелевский лауреат программы портить не стал.

Доклад в Москве состоялся 3 декабря 1961г. в ИОХ'е, к нему вполне подходит название «Анти-Волькенштейн». Был такой первоисточник по марксизму-ленинизму «Анти-Дюринг», который надобно было учить и конспектировать к экзаменам по философии. Подобно Ф. Энгельсу, Полинг пройдясь с критикой по нескольким страницам книги Волькенштейна, как раз и растолковал всю суть своей теории.

Переводить доклад был назначен молодой Зубов, только что вернувшийся из Штатов со стажировки. Так что он мог даже отличить американский язык от английского. Его отец до этого был как раз директором того самого института, откуда и Темкин. Переводил он бойко, но Полинг, видел, что зал не воспринимает. Внизу ладно, спереди там сидят всякие академики и начальники, а дальше и на балконе молодые и любознательные. Тут он и попросил перевести - мол, с английским языком все хорошо, а вот с русским, т.е. с резонансными словами и терминами, как

ему кажется, намного хуже. Оттого и не всем понятно, о чем докладчик хочет рассказать. Переводчик, естественно, не виноват, что слов таких по молодости он слышать не мог. В зале же сидит профессор Темкин, который хорошо знает и язык, и этот предмет. Так уж лучше давайте все попросим его дальше переводить. Все попросили и стали вникать, где резонанс, а где антирезонанс.

Известны свидетели тому, что под конец Полинг, с неприязнью глядя на первые ряды, выразительно произносит нечто знаменательное. Темкин же спокойно переводит: "Профессор Полинг призывает молодежь и дальше перенимать знания у своих выдающихся учителей". Английский хорошо знали не только он и Зубов, и с галерки сразу громко следует, что называется, аутентичный перевод: "А молодым людям я скажу, чтобы они не обращали внимание на этих ... ". Пошел тут шум и гам, и только Полинг не мог знать, истинной причины такого резонанса.

Если читателю интересно, он может сам прочитать доклад Лайнуса Полинга в переводе М.И. Темкина, который опубликован в «Журнале ВХО им. Д.И.Менделеева» за 1962г., №4, вместе с докладами, сделанными на Бутлеровском симпозиуме.

Разобраться поглубже с предметом можно по обстоятельной статье М.И.Темкина в Краткой химической энциклопедии (1965-66гг.) «Резонанса теория».

Устный и письменный доклад, это, конечно, не одно и то же. В напечатанном тексте последний абзац выглядит так:

«Я слышал, что за последние десять лет ни один советский ученый не напечатал учебника химии, в котором теория резонанса была бы представлена в форме, отвечающей разумным требованиям удовлетворительности и полноты изложения. Я боюсь, что этот пробел служит серьезным препятствием пониманию современной структурной химии советскими студентами. Этот недостаток в образовании молодых советских ученых снижает эффективность проводимой ими научной работы и возможность делать научные открытия. Вследствие этого пострадают люди во всем мире, так как они будут лишены преимуществ, которые они получили бы от открытий, сделанных молодыми советскими учеными, если бы эти последние получили лучшее образование. Поэтому я надеюсь, что этот недостаток будет скоро исправлен и советские студенты получат достаточную подготовку в области современной теории химического строения, опирающейся на теорию резонанса»

Памятное фото: Ава-Хелен и Лайнус Полинги и сотрудники Химфизики

Улыбаются все (продолжение).

С Полингами теперь все должно быть понятно, но вот при чем тут сотрудники Химфизики, спросите Вы. Ответ такой. Наша история вполне могла развернуться немного и по-другому, тогда столетие со дня рождения М.И.Темкина отмечали бы не в Карповском институте, а в Химфизике, и вот почему.

В 1952г. было устроено заседание дирекции Карповского института, на которое пригласили всю Лабораторию химической кинетики. По поручению директора (в 1951-53гг. им был С. В. Кафтанов) заседание вел С.С. Медведев. Вступление выглядело примерно так:

«Ну что я Вам могу сказать, товарищи? Вот Ваш заведующий, Темкин, загубил химическую кинетику в Карповском институте ...».

Все просто остолбенели и не могли открыть рта. Потом понемногу стали отходить, и пошли вопросы – такие, всякие робкие. Как же так? Ведь мы изучили кинетику важных процессов. Это все очень нужно. Нам же говорят, что теперь надо увеличивать выход и производительность химических реакторов: объем, загрузку катализатора, избирательность. Для всего этого нужно знание кинетики. Вот мы все этим и занимаемся. Мы же изучили кинетику таких важных для химической промышленности процессов как синтез аммиака, окисление аммиака, конверсия окиси

углерода, газификация угля водяным паром и двуокисью углерода, окисление этилена в окись этилена и всяких других процессов.

«Да, это, конечно, так», - сказал Медведев: «но все равно Министерство Вами не довольны». Тезис вошел в резолюцию заседания. Стало ясно – лабораторию собрались закрыть. Пройден первый этап. В этом виде резолюция просто нужна для второго - главного, на котором провал работы лаборатории должен был отнесен за счет того, что ее заведующий основывается и развивает порочную, буржуазную теорию активированного комплекса (она же переходного состояния). Идеологический разгром вредной и пагубной для лаборатории деятельности М.И. был возложен на С.Я. Пшежецкого (об этом см. примечания к «Отчету нейтрального наблюдателя»)

М.И. иногда ездил обедать в Дом ученых на Кропоткинскую, во время и после войны он там отмечал карточки. В ресторане ему случилось встретиться с Н.Н. Семеновым.

«Что Вы такой невеселый» - спросил он М.И.

«Да нечего веселиться. Наверное, мне придется уйти из Карповского института».

«Как уйти?»

М.И. описал Семенову обстановку.

«О чем речь! Переходите ко мне в Институт со всей лабораторией. Сколько у Вас там народу? Я вас всех возьму».

«Двенадцать человек» - ответил М.И.

*«Ну, подумай, найдем ... место *».*

Вернувшись в лабораторию, М.И. объявил С.Л. Киперману и Н.В. Кульковой:

«Ну вот, товарищи, начинайте думать о том, как перевозить ваши установки в Институт химической физики».

Те опешили:

«Как же можно перевозить это все †?»

Но тут М.И. бы категоричен:

«Вот-вот, думайте, думайте. Потому что это совершенно реальная ситуация, готовьтесь».

* Здесь, на всякий случай поместим разъяснение. Нобелевскую премию Н.Н.Семенову присудили позже, в 1956г. Но и без этого положение его было довольно прочным, недостижимым для всяких там философов. Изначально он вошел в узкий круг лиц, ответственных за создание атомного оружия в стране. Химфизика обеспечивала теорию и технику испытания всех бомб на всех полигонах.

† Надо сказать, установки вакуумные и для атмосферного давления тогда были стеклянными, цельно паянными. Скелет из деталей крепился на каркасе, стеклодувы их спаивали и ремонтировали на месте переносными, ручными горелками. Карповские стеклодувы – это особая тема, но вот такие установки были нетранспортабельными.

Ко всему прочему у М.И. была и другая неприятность - у него шел срок по уголовному делу за хулиганство. Начало 1950-ых было отмечено нагнетанием государственного антисемитизма. Прошел ЧК-истский погром Еврейского антифашистского комитета, и уже было сверстано известное «дело врачей». Помимо привычных «врагов народа» в ход пошли новые словечки «заговор, сионисты, космополиты». Среди вредителей в белых халатах «пятая» графа преобладала. Настала благодатная пора для возрождения негласно поощряемого бытового антисемитизма.

В троллейбусе или автобусе М.И. был втянут в скандал. На антисемитское оскорбление он, попросту говоря, дал по морде. Удар получился неплохим или обидчик был хорошо поддатым, или то и другое, короче оба оказались в отделении милиции. Далее протокол, народный суд, кажется, Ждановского района. Там Тёме сказали, дескать, что ж Вы руки то распускаете. А еще, тут вот написано, профессор. Вы бы объяснили товарищу, что так говорить нельзя, ну, в крайнем случае, тоже бы как-нибудь обозвали его поаккуратней, интеллигентно. А Вы сразу кулаками, не хорошо.

Учитывая, однако, награды, заслуги и положительную характеристику с места работы, дали М.И. два года условно.

Срок шел, и наступила весна 1953 года, пятое марта. Что было, если бы И. В. Сталину история отпустила больше времени, на год – другой? На эту тему даже фантазировать не принято. Те, кто оказался в особом положении, время перемен почувствовали сразу же, задолго до 21-ого съезда. Не прошло и месяца, 4 апреля 1953г. «Правда» опубликовала «Постановление Президиума ЦК КПСС о фальсификации так называемого дела врачей-вредителей». Всех арестованных (37 чел.) реабилитировали и освободили из-под стражи, а С.Д. Игнатьева освободили от постов секретаря ЦК КПСС и министра уже бывшего МГБ СССР. Примечательно, сим был отменен Указ другого Президиума - Верховного Совета СССР от 20 января 1953г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф., чью служебную записку использовали для фальсификации дела. Против 6-ти работников этого бывшего Министерства были начаты уголовные дела.

Активные действия на идеологическом фронте за чистоту советской науки притихли без особых на то постановлений, а так по наитию. Необходимость переезда Лаборатории химической кинетики в Химфизику отпала. След этой истории можно найти в «зеленой» книжке Н.Н. Семенова «О некоторых проблемах химической кинетики и реакционной способности», изданной в АН СССР в 1954г. Она включила главу «О методе активированного комплекса», написанную М.И. Темкиным. Её автору в анкете уголовная судимость следа не оставила - она была снята холодным летом 1953г. по «амнистии Берии».